

Алексей Бартошевич

Гастроль

СКОЛЬ БЫ РАЗЛИЧНЫ ни были суждения о каждом из пяти спектаклей, показанных в Москве, какие бы разные чувства они ни вызвали, все, полагаю, сойдется на том, что приезд театра Додина — настоящее событие, особенно на фоне начавшегося московского сезона, в котором премьеры пока что явно уступают юбилеям и презентациям — как по количеству, так и по уровню театрального мастерства.

Страшно было идти на «Братья и сестры». Трудно было поверить, что спектакль не уяла, не устарел, что может повториться то же, с чем не сравнимое возмущающее очистительное впечатление, которое мы пережили 10 лет назад. Но нет — не уяла, не устарел, повторилось. Эта театральная симфония по-прежнему с мощным и чистым звуком и, кажется, еще прибавила в силе и стройности. Как и 10 лет назад, спектакль полон жизни и, главное, сострадательной любви к «братям и сестрам», к тем, по чьим телам прошла отечественная история и кто вопреки всему сохранил в себе живую душу.

Другая вершина и другой полюс гастрелей — «Клаустрофобия». Необыкновенной, сокрушительной силой театральное произведение (кроме, конечно, неожиданного скверного вкуса «сцены» в сцене с Лениным: страшный, кричащий перепад уровня). Смотреть «Клаустрофобию» — прикасаться к ого-

Гастроли Додина — Малого драматического театра из Санкт-Петербурга, которым Лев Додин руководит с 1983 года, — растянущиеся почти на месяц (по лунному календарю), благополучно закончились. Показы в Москве все или почти все, сделанные за десять лет, — «Братья и сестры», «Бесов», «Гудеамус», «Клаустрофобию», «Вишневый сад» — Малый драматический отправился в Румынию на фестиваль Союза европейских театров, основанного некоторое время назад Джорджио Стрелером (сегодня в нем 12 членов, и фестивальные встречи проводятся на родине одного из них), затем предстоит гастроль в Сполетто — на небольшом чеховском фестивале Додин покажет «Вишневый сад», зимой театр немного поиграет в Петербурге и Ленинградской области (Малый драматический — театр областного подчинения), после чего полетит в Австралию и Новую Зеландию с «Гудеамусом» и «Клаустрофобией»; весной в рамках парижского фестиваля «Триумф» будут сыграны «Бесы».

Прежде чем передать слово критикам, несколько сбивчивых впечатлений о гастролях... в общем или, говоря поэтически: «не о любви: о браке. Не о накале страстей, о шалхе этих страстей, но о холодном, колом шалхе», — об организации московских гастрелей Театром Наций. Театр Наций любит ругать — за плохую рекламу, за пустые залы, за приглашение бог весть каких гостей. Наконец они привозят в Москву Додина. И выясняется, что эта организация собственным своим уставом, призваная заниматься просветительством, заламывает за билеты такие цены, что даже неплохой зарабатывающий критик или артист, режиссер задумывается не раз, прежде чем выложить 100 тысяч за два билета на «Клаустрофобию»... Кстати, о критиках. Кажется, впервые критикам было предложено обратиться за билетами в кассу: *гастроли дорогие, страшно убыточные, поймите нас. Билет нет. Мы постарались понять и купили билеты. Каково же было нам узнать, что в то же время некоторые наши мэтры ломали головы, не зная, куда бы и кому пристроить третье место, и по второму разу взяли на «дефицитные» спектакли членов семьи. Критики, тем более авторитетные, тут, конечно, не виноваты. А вот как быть с Театром Наций? Который, судя по прошедшим гастролям, легко справляется лишь с пустыми залами, да так и не научился работать с амбиговыми спектаклями. Да и когда еще понадобится им этот опыт...*

«НГ» предложила театральным критикам ответить на один единственный вопрос: какое впечатление произвели на вас гастроль Малого драматического? Подразумеваю при этом: что привело вас в восторг? что разочаровало? были ли неожиданности? и т.п., и т.п.

МАСТЕР-КЛАСС ЛЬВА ДОДИНА

В Москве закончились гастроль Малого драматического театра

Независимая 105-1995-16 Янв. С. 7.

ленному провалу, что-то вроде электрошока, который, однако, тянет испытывать вновь и вновь. Кажется, из этого сияющего холодным светом замкнутого пространства выкачан воздух, в нем трудно дышать, вас посещает чувство, весьма сходное с тем, что обозначено в заглавии. Дело здесь не в «тернухе» — наша действительность сама напрашивается на этот, так сказать, жанр, а в той бесконечно удаленной «смотровой точке», с которой авторы спектакля изируют на нас с вами (имею в виду дистанцию не географическую, а скорее — этическую). Так, вероятно, обитатели какого-нибудь там Марса разглядывают нашу «неслабкую несчастливую жизнь», она им кажется копированием неких странных существ, не заслуживающих ничего, кроме брезгливого любопытства: какие уж тут «братья и сестры».

Что стоит за этим космическим обжигающим холодом? Наша собст-

лем-злойка в истории театра.

Михаил Швыдкой

МОСКОВСКИЕ гастроль Малого драматического театра, которые во многом повторили его парижский сезон, стали своего рода творческим отчетом театра. Прежде всего перед самим собой — отраженным в восторженных алоидисментах московской публики. Равно как и в ее скепсисе, в твердом превосходстве перед любой зарубежной аудиторией, когда речь идет об оценке национального искусства.

Мне по душе восторг и скепсис. Лев Додин — а Малый драматический этот, бесспорно, «театр Додина», — конечно же, самый значительный петербургский режиссер, который без всякой натяжки после смерти Товстоногова занял место театрального лидера. Один из самых глубоких режиссеров со-

в том, что это неоспоримое и характерное достоинство его постановочной манеры, поразившее в «Братья и сестры», от спектакля к спектаклю блело, уступая место попыткам не изображения, но проговаривания смысла. Чувственная стихия жизни, реального человеческого бытия властно захлестывала сцену в абстрактном эпосе, по-прежнему, неизменно покорила зал искренности переживания и внеидеологической, «последней» правдой жеста, крика.

Но в последующих спектаклях возникло впечатление, словно Додин усомнился в правоте — собственной и своего театра. К классическому тексту он обратился как к последнему прибежищу истины. Как будто все, что он знал о жизни, оказалось неужной мелочью перед лицом высшей правды, скрытой в хрестоматийных строках.

Ставка Чехова или Достоевского, Додин не пытался воссоздать те



Сцена из спектакля «Гудеамус».

венная эволюция (в дурную, разумеется, сторону)? Духовные метаморфозы художника, создавшего один из лучших в мире театров? Или, наконец, новое (и очень сильное) поколение додидовцев приняло с собой эту безжалостную жесткость, эту агрессивность, эту мистическую силу, эту медленную злость, этот непроявляющийся сторонний взгляд на горемычную нашу современность?

Как говорит в репетициях — затрудняюсь ответить.

Ольга Егوشина

«ПОЧЕМУ именно он? Почему именно этот театр стал за последние годы первым российским европейским театром? Почему имя Додина встало рядом с именами Стрелера и Брука?» — в течение нескольких недель театральная Москва искала ответы на эти вопросы, отправляясь на Старую сцену Таганки на очередной спектакль, привезенный Малым драматическим театром. Ожидания были двоякого рода. С одной стороны, ждали откровения, открытия, были готовы полюбить и восхищаться. С другой — предвкушали радость встреч с мастерством экстра-класса, гарантированным именем фирмы.

Благо в этот раз театр привез на редкость репрезентативную подборку своего репертуара: последние премьеры и спектакли десятилетней давности, «Вишневый сад» Чехова и инсценировку «Бесов» Достоевского, спектакль по современной прозе; наконец, спектакль, сочиненный самими актерами под руководством Додина в ходе репетиций.

Уже в выборе названий оптимизма мастера. Та самая рука, которая позволяет назвать спектакли Додина спектаклями белой сборки. Можно назвать режиссеров, столь же мощно генерирующих идеи и образы, столь же умело воссоздающих атмосферу действия, обладающих столь же блистательным педагогическим даром. Но почти невозможно найти сейчас постановщика и руководителя театра, который умел бы доводить свои идеи до идеального сценического воплощения, умел бы «держать» в идеальном состоянии актеров, а также всю постановочную часть, как это умеет Додин. Каждая мизансцена, каждый штрих, каждая деталь, каждая находка отрабатывалась до совершенства. Ни накладок, ни сбоев, ни севших голосов певцов, ни оступившихся танцоров.

Гастроли петербуржцев дали прежде всего урок профессиональной культуры. Что касается открытий, озарений... Мы еще раз убедились, что «Братья и сестры», не утратившие ни мощной заразительности, ни трагического накала действия, поистине могут быть названы спектак-

временного российского театра. Он хранит петербургский академизм, петербургскую тщательность, тяготение к расчлененности искусства. И при этом не забывает о петербургской революционности В.с. Мейерхольда: монтаж аттракционов так же обретает академический чекан, сопрягается с острым психологизмом.

Эти качества присущи в той или иной степени всем спектаклям Додина, показанным в Москве. Но прежде всего «Братья и сестры», поставленным и полтора десятилетия назад, и вобравшим тогда многие открытия советского театра 60—70-х годов.

Что вовсе не означает, будто Додин и его театр оказались невосприимчивы к художественным исканиям последних десятилетий. Постмодернистская эстетика обнуляла себя и в «Вишневом саду», и в «Клаустрофобии». Но в работах 90-х мастерство становится своего рода смыслообразующей категорией, которая заменяет истончающуюся связь с реальной действительностью: то, что тексты Бенедикта Ерофеева сценически переживает и враждуют, как тексты Владимира Сорокина (и наоборот), — самое яркое тому свидетельство. Наиболее распространенный упрек Льву Додину и его театру — что они в значительной степени существуют в контексте европейской художественной реальности, нежели в нервной российской повседневности. Упрек упреком, но есть в том и некая попытка защитить себя от неважно. Попытка, вполне понятная по-человечески.

Московские гастроль — это возвращение домой. Некий предварительный итог пережитого и прожитого. Очень хотелось бы, чтобы у Льва Додина и его труппы хватило сил восславить без иронического контекста: «Здравствуй, новая жизнь!»

Впрочем, хватит ли этих сил у всех нас?

Виктория Никифорова

ОТ ГАСТРОЛЕЙ МАТ — алогичных и шумных, с влывагами и овациями, с безудержно длинными спектаклями и бесконечными терпеливыми зрительскими — в памяти осталось немного. Как резали хлеб и ели мясо в «Братьях и сестрах» — молча, истово, точно молясь. Как считал деньги, подводя итоги, сводил счета сосредоточенный Лопухин. Конкретные действия, сильные переживания, простая логика человеческого существования.

Додин не идеолог. Его театральное мышление абсолютно конкретное, тем и ценно. Интрига московских гастрелей МАТ и заключалась

неповторимые сущностные подробности, из которых возникала когда-то его мифология войны. Он отказался от хитроумной системы мотивировок — психологических, социальных, исторических, — создавшей непреодолимо живые характеры его героев. Все выглядит так, точно миф «вырубленного сада» или бесовщины революция должен изжить сам собой — из дотошного выговаривания знакомых слов. А к классическому слову он относится с трепетом первого ученика, заставляя исполнителей читать текст с почтением — без купюр и отсбегиваний. И без эмоций.

В результате все происходящее в его классических постановках повисает в сухой музейной пустоте. Не оставляет ощущение, что мысли Стендаля или переживания Раневской для Додина слишком абстрактны. (Только с Лопухиным все понятно.) Все это литература, в конце концов. Правда, земная.

Чем плотнее завеса литературности между сценой и жизнью, тем сложнее сказать, где не пробиться. В плотной ткани классического текста Додин увязал с гололой. В прозе Сорокина и Ерофеева он находит — так ему мнится — разрыв. Но, надеясь уловить истину сегодняшней повседневности, он на поверку оказывается в плену традиционных штампов театральной «чернухи». К новой прозе он, при всей внешней дерзости «Клаустрофобии» отнесся с тем же простодушным доверием, что и к классике. Становительский экзальтированный автор он не заметил, зато «узнал» в их творениях, занятых исключительной природой языка и его законами, вполне реальных богов и алкашек, чьи авторитетно было объединять в сценическом повествовании на неизвестную тему.

«Клаустрофобия» наиболее отчетливо показала стремление Додина донести свет истины до театральной черни — парижской и московской. Она же и окончательно скомпрометировала его попытки. Пытаясь сказать свое веское слово о судьбе страны, Додин так и не смог отчетливо его сформулировать. Смысл его ранних спектаклей — последовательная внеидеологичность, внимание к мельчайшим движениям молчаливой и иррациональной жизни — сегодня подрывают его идеологические конструкции.

Режиссерские жесты нерешительны, ритм многословен и медлительных опусов безупречен. Гипертония замыслов способствует их ленивому послы Додина, кажется, подавлен огромностью своей миссии, хоть и не знает ясно, в чем она заключается. Он слишком хорошо изучил низкие истины жизни, чтобы суметь, отстранившись от своего знания, сформулировать высокие.

Он вытравил, просто воссоздавая течение жизни. Он проигрывает, пытается его объяснить.